



Михаил Иосифович Веллер
Легенда о родоначальнике
Фарцовки Фиме Бляйшице
Серия «Легенды Невского проспекта»
Серия «1. Саги о героях», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120158
Михаил Веллер Легенды Невского проспекта: АСТ, АСТ Москва,
Харвест; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-050459-6, 978-5-9713-7365-0, 978-985-16-4184-6

Содержание

1. Интеллигентик	4
2. Открытие	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Веллер

Легенда о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице

1. Интеллигентик

В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем годе, как известно, Вождь народов и племен решил устроить евреям поголовно землю обетованную на Дальнем Востоке, и сорока лет ему для этой акции уж никак не требовалось. И составлялись уже по домоуправлениям списки, и ушлые начальницы паспортных столов уже намечали нужным людям будущие освободиться квартиры, и сердобольные соседи в коммуналках делили втихаря еврейскую мебелишку, которую те с собой уволочь не смогут, и громыхал по городу Питеру трамвай с самодельным по красному боку лозунгом «Русский, бери хворостину, гони жида в Палестину». И евреям, естественно, все это весьма действовало на нервы и заставляло лишний раз задуматься о превратностях судьбы, скоротечности земного бытия и смысле жизни.

В двадцать два года людям вообще свойственно задумываться о смысле жизни. Студент Кораблестроительного института, Ефим Бляйшиц писал диплом и отстраненно, как

не о себе, соображал, удастся ли ему вообще закончить институт – может быть, заочно? – и как насчет работы кораблестроителя в Приморье. Амур, Тихий океан... да ничего, жить можно. Жил он, кстати, на Восьмой линии Васильевского острова, в комнатухе со старенькой мамой. Мама, как и полагается маме, в силу возраста, опыта и материнской любви, смотрела на разворачивающуюся перспективу более мрачно и безнадежно, чем сын, и плакала в его отсутствие. Друг же друга они убеждали, что все к лучшему, жить и вправду лучше среди своего народа, и в Биробиджане, слава Богу, никто их уже не сможет обижать по пятому пункту; а может, все и обойдется.

Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неудобно, особенно если ты маленький, черненький, очкастенький и картавишь: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде. Фима нарвался тоже раз вечером в метро, несколько крепких подвыпивших ребятишек споро накидали ему по ушам, выдав характеристики проклятому еврейскому племени, и, обгаженный с ног до головы и насквозь, на темном тротуаре подле урны он подобрал окурок подлиннее и, не решаясь ни у кого попросить прикурить, выглотал колючий дым ночью в сортире; кривая карусель в голове несла проклятия и клятвы. Мама проснулась беззвучно, почувствовала запах табака и ничего не сказала.

Будучи человеком действия, на завтра Фима совершил два поступка: купил пачку папирос «Север», бывший «Норд», и

пошел записываться в институтскую секцию бокса.

– Куришь? – спросил тренер, перемалывая звуки стальными зубами.

– Нет, – ответил Фима. – Случайность.

– Сколько лет?

– Двадцать два.

– Стар, – с неким издевательским сочувствием отказал тренер, хотя для прихода в бокс Фима и верно был безусловно стар.

– Хоть немного, – с интеллигентской нетвердостью попросил Фима.

– Мест все равно нет, – сказал тренер и безразлично усмехнулся глазами в безбровых шрамоватых складках. – Но попробовать... Саша! поди сюда. Покажи новичку бокс. Понял? Только смотри, не очень, – сказал им вслед не то, что слышалось в голосе.

– Раздевайся, – сказал Саша и кинул Фиме перчатки.

Стыдясь мятых трусов и бело-голубой своей щуплости, Фима пролез за ним под канат на ринг, где вальсировал десяток институтских боксеров, и был избит с ошеломляющей скоростью и деревянной, неживой жесткой силой, от заключительного удара в печень весь воздух из него вышел с тонким свистом.

– Вставай, вставай, – приказал спокойно тренер, – иди умойся.

– Удар совсем не держит, – якобы оправдываясь, пояснил

Саша.

– Иди работай дальше, – сказал ему тренер. И Фиме, растирающему до локтя кровь из носа: – Сам видишь, не твое. – Неприязненно: – Покалечат, потом отвечай за тебя.

Очки сидели на лице как-то странно, на улице он старался прятать в сторону лицо, дома в зеркало увидел, что его тонкий ястребиный носик налился сизой мякотью и прилег к щеке.

– На тренировке был, – пояснил он матери, и больше распросов не возникало.

Нос так и остался кривоватым, что довершило Фимин иудейский облик до полукарикатурного, «мечта антисемита».

В портфеле же он стал носить с тех пор молоток, поклявшись при надобности пустить его в ход; что, к счастью, не потребовалось.

Тем временем соседки на кухне травили мать тихо и въедливо, как мышь; об этом сын с матерью тоже, по молчаливому и обоим ясному уговору, не разговаривали.

Это неверно, когда думают, что евреям так уж всю историю и не везет. Потому что смерть Сталина в марте 53 была замечательным везением, вопрос о переселении отпал, врачи-убийцы как бы вместе со всей нацией были реабилитированы, и по утрам соседи на кухне стали здороваться и даже обращаться со всяким мелким коммунальным сотрудничеством. И Фима благополучно получил диплом и был распре-

делен на завод с окладом восемьсот рублей.

Но так и оставался, разумеется, маленьким затурканным евреем.

2. Открытие

Сначала появились стилиаги. Сначала – в очень небольшом количестве.

Пиджаки они носили короткие, а брюки – легендарно узкие. Рубашки пестрые, а туфли – на толстой подошве. И стриглись под французскую полку, оставляя спереди кок; а лучших мужских парикмахерских было две: одна – в «Астории», а другая – на Желябова, рядом с Невским.

В милиции им норовили – обычно не сами милиционеры, а патриотичные народные дружинники – брюки распарывать, а коки состригать, о чем составлять акт и направлять его в деканат или на работу. Пресса рассматривала одевающихся так молодых людей как агентов ползучего империализма:

Иностранцы? Иностранки?
Нет! От пяток до бровей —
это местные поганки,
доморощенный Бродвей!

Затем прошел исторический XX Съезд Партии, была объявлена оттепель и чуть ли не свобода, и страху в жизни стало куда поменьше, а надежд и оптимизма куда побольше.

А еще через год состоялся впервые в Союзе Международ-

ный фестиваль молодежи и студентов, наперли толпы молодых со всего мира, и после этого (мы отслеживаем сейчас только одно из следствий, которое и вплетено нитью в нашу историю) стилиг стало хоть пруд пруди: представители прогрессивной молодежи западных, южных и восточных стран покидали гостеприимную Советскую Россию в туфлях на босу ногу, запахивая пиджачки на голых, без рубашек, грудях: гардероб оставался на память о дружбе и взаимопонимании их московским и ленинградским приятелям.

Стукачей участвовало в празднестве уж не меньше, чем иностранцев, и дружили только самые безоглядные и храбрые, – кроме специально выделенных для дружбы, разумеется, и проинструктированных, как именно надо дружить.

Фиму с его рожей никто дружить не уполномачивал; он и не дружил – опасался: дурак, что ли. Но глядя, как переходят на тела земляков шикарные и тонные шмотки, все крутил он и обдумывал одну нехитрую мыслишку.

Он эту мыслишку не один, уж надо полагать, обдумывал, но именно он, похоже, подошел к ней первый со всей еврейской глубиной и основательностью. Потому что на второй день фестиваля сообщил маме, что ему надо поговорить с хорошим старым адвокатом, какой, вроде, был среди ее знакомых.

- Что случилось? – испугалась мама.
- Ничего не случилось, – твердо заверил Фима.
- Так зачем тебе адвокат? – побледнела мама.

– Чтоб и впредь никогда ничего не случилось, – твердо заверил сын.

Адвокат, разумеется, тоже был еврей, и принимал Фиму в такой же комнатухе коммуналки. Фима развязал испеченный мамой пирог, размял папиросу и посмотрел на адвоката.

– Розочка, сходи в булочную, – попросил адвокат жену.

– Так какие же у вас неприятности? – спросил он. – Слушаю.

– Слушайте внимательно, – сказал Фима, – и если можно, тут же забывайте. Никаких неприятностей нет и быть никогда не должно. Может ли иностранец подарить мне галстук?

– За красивые глаза? – поинтересовался адвокат.

– В знак дружбы, – серьезно сказал Фима.

– У вас есть друг-иностранец? Кто? Где вы его взяли – на улице?

– На улице, – сказал Фима.

– И каким образом?

– Он спросил, как пройти к памятнику Ленину у Финляндского вокзала.

– И что же?

– Я его проводил к святыне нашего города и рассказал о приезде Ленина в апреле 17 года.

Адвокат укусил пирог, с удовольствием пожевал, запил чаем и посмотрел на Фиму.

– Он снял галстук прямо с шеи? – спросил он.

– Я долго отказывался, но он обиделся, а я не хочу, чтобы

иностранцы обижались на ленинградцев, – ответил Фима.

Адвокат кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Иностранец может подарить вам галстук.

– Я так и думал, – сказал Фима. – А рубашку он тоже может мне подарить?

– Он тоже снял ее с себя под памятником Ленину?

– Нет. Он попросил проводить его обратно до гостиницы.

– Он боялся заблудиться?

– Совершенно верно.

Адвокат подумал.

– А на каком языке вы говорили? – торжествующе выкрикнул он.

– На английском, – слегка удивился Фима.

– А откуда это вы знаете английский?!

– Как откуда? – еще больше удивился Фима. – Я учил его восемь лет: шесть в школе и два в институте. Я советский инженер с высшим образованием. Советское образование – лучшее в мире! Я был отличником.

– Да, – согласился адвокат, – это правда... Советское образование – лучшее в мире.

– Еще он подарил мне пиджак и туфли, – добавил Фима.

– За что?! – поразился адвокат.

– А я подарил ему свой пиджак и свои туфли.

– Зачем?!

– Ему нравятся наши товары.

– Так почему он не купил?!

– У него кончились деньги.

– Почему кончились?

– Он был накануне в ресторане.

– В каком? – быстро воткнулся вопрос.

– На «Крыше» в «Европейской», – так же быстро последовал ответ.

– А больше денег у него не было?

– Я должен был попросить его показать мне бумажник? или счет в банке?

Адвокат доел кусок и облизал пальцы.

– Хорошо, молодой человек, – одобрительно признал он. – Он может подарить вам галстук, рубашку, пиджак и туфли.

– Носки и плащ, – добавил Фима. – Он сказал, что жена купила ему носки не того размера, а плащ дал мне надеть, потому что пошел дождь; дома я выгладил его и хотел вернуть, но он уже уехал.

– Что еще? – спросил адвокат.

– Две пары чулок и французское белье для моей мамы.

– Зайдите в субботу, – сказал адвокат. – Я должен изучить этот вопрос так, чтоб не было сомнений.

– Да, – согласился Фима, – сомнений быть не должно. Но не в субботу, а завтра. Время дорого.

– Молодой человек, – сказал адвокат.

– Дружба дружбой, а служба службой, – сказал тогда Фима. – Вы даете мне эту консультацию и получаете гонорар по

высшей ставке. Ставку назовете сами.

Адвокат сдвинул очки на лоб. Фима вынул из кошелька полученную вчера зарплату и положил на стол. На ближайшие две недели они с мамой оставались с сорока копейками.

– Хорошо, – сказал адвокат. – Завтра в шесть.

– Подарки являются моей собственностью?

– Безусловно.

– Я могу их выкинуть?

– В первую же урну.

– Могу подарить?

– Первому встречному.

– Могу продать?

– Ага... Вероятно.

– Что значит – вероятно? Это мои вещи или нет?

– Вас интересуют статьи о спекуляции?

– А где вы тут видите спекуляцию?

Адвокат закурил Фимину папиросу и улыбнулся вошедшей с сеткой жене.

– Идишекопф, – ласково сказал он, кивая на Фиму. – Мать этого мальчика не умрет от нищеты.

Вот так в городе Ленинграде летом пятьдесят седьмого года в голове молодого и нормально задавленного жизнью восьмисотрублевого инженера и вполне типичного еврея Фимы Бляйшица родилась гениальная идея фарцовки.

Название это родилось позднее, и не у него, но название

его мало заботило, потому что Фима был нормальным советским материалистом и прекрасно знал, что было бы дело, а название ему всегда найдется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.